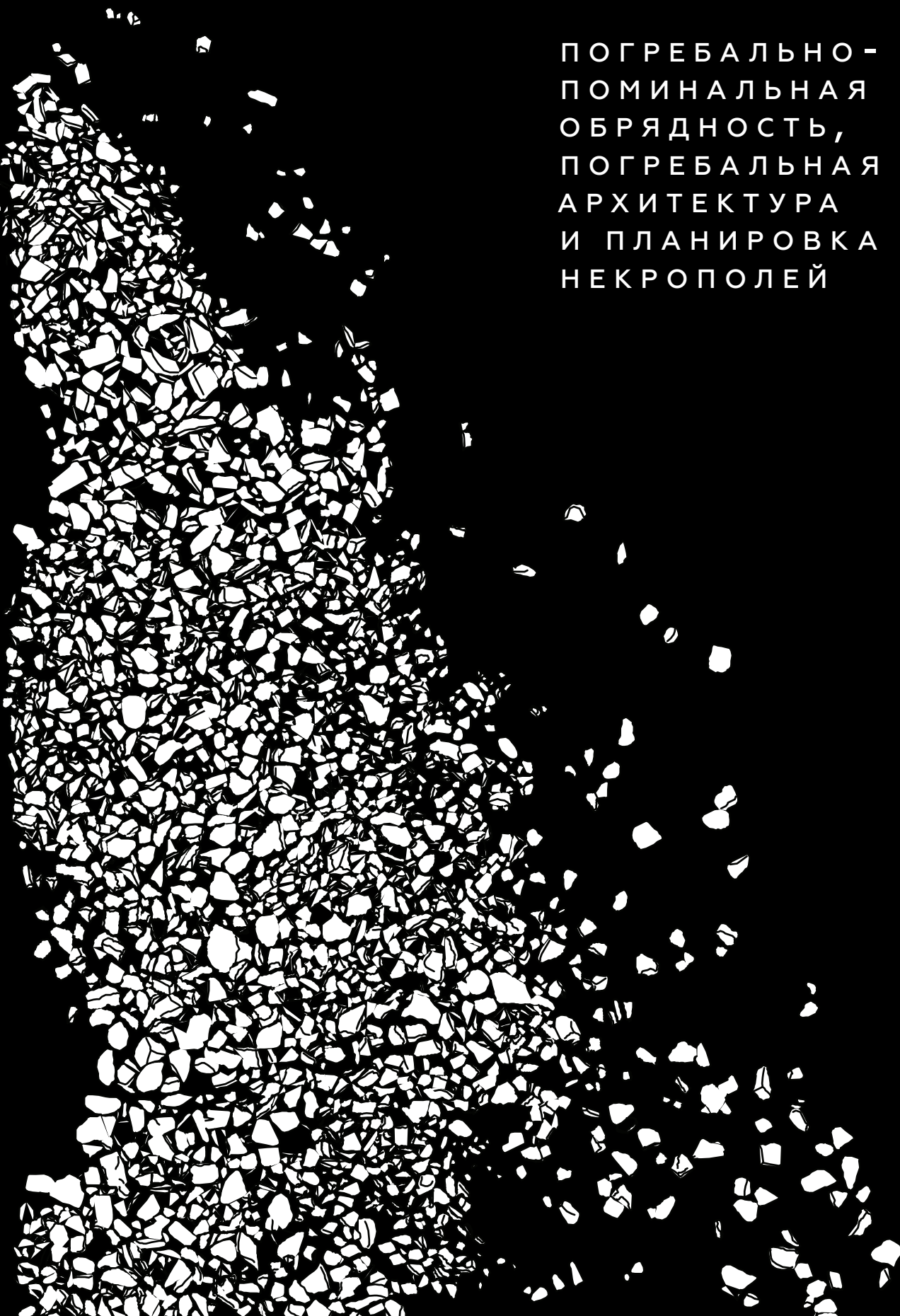

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

С. И. Андрух, Г. Н. Тощев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ФОКУСЕ МАМАЙ-ГОРЫ

В статье приводится характеристика одновременных археологических памятников, представленных на могильнике Мамай-Гора у с. В. Знаменка в Запорожской области. Рассматривается возможность их использования для всесторонней реконструкции исторических процессов, характерных для Северного Причерноморья в целом, на протяжении нескольких тысячелетий. В частности — направления и цикличность миграционных потоков, степень освоения региона в различные исторические периоды, эволюция хозяйственной деятельности, конструктивные черты погребально-поминальной обрядности и выделение ее локальных особенностей.

Ключевые слова: могильник Мамай-Гора, погребения, археологические культуры, скифы, инвентарь

Большие одновременные могильники позволяют проследить этапы освоения территории, степень заселенности, осветить разные вопросы погребального обряда, эволюцию хозяйственной деятельности, выделить локальные особенности в развитии определенных культур и пр. Одним из таких памятников выступает могильник Мамай-Гора. По занимаемой площади и количеству захоронений могильник не имеет себе равных в Причерноморье и является одним из крупнейших в Евразийском степном поясе.

Возвышенность Мамай-Гора расположена вблизи с. В. Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области, на правом берегу Каховского водохранилища (рис. 1). До его создания у подножия господствующей высоты протекала р. Конка, периодически смыкающаяся с расположенной севернее р. Днепр.

Рис. 1. Местонахождение могильника Мамай-Гора (с. В. Знаменка Каменско-Днепровского р-на Запорожской области). Фрагмент карты Запорожской области. 1949 год. Масштаб 1:300 000

Памятник обозначен на картах XVIII–XX вв., где именуется Мамаева, Мамайская могила.

Впервые план могильника составлен экспедицией Б. Н. Гракова в 1946–1947 гг., позже он был уточнен топосъемкой сотрудников ИА НАНУ в 1976 г.

Рис. 2. Вид Мамай-Горы с северо-запада

Ядро могильника образовывали пять больших курганов, вытянутых по линии запад-восток, среди них три длинных и два округлых (рис. 2, 3). Они, как и пространство между ними, никогда не подвергались распашке. По известным планам, видимые в рельефе насыпи концентрировались преимущественно к югу от ядра.

Рис. 3. Общий вид Мамай-Горы с востока

В 1988 г. к исследованиям приступила археологическая экспедиция Запорожского национального университета. В первые годы раскопок изучались небольшие рельефные насыпи. В начале 90-х гг. произведены аэрофотосъемка (черно-белый вариант) и дополнительное топографическое обследование. Итогом явилась фиксация сотен как отдельных «пятен», так и слившихся между собой, а также установление примерных границ могильника, площадь которого ориентировочно достигает 30 га. Возможно, площадь памятника была значительно больше и существенно уменьшилась в связи с катастрофическим

обрушением (более 300 м) береговой линии после создания Каховского моря. Подтверждение тому — находки разрушенных погребений непосредственно у воды и в ней.

На протяжении 1990–1994 гг. территория могильника к востоку и югу от курганного ядра снималась скреперами сплошной площадью (Тощев, 1996). С середины 90-х гг. по настоящее время работы ведутся вручную. В общей сложности исследовано около 10 га.

Всего выявлено около 700 погребальных комплексов, сконцентрированных в курганах и грунтовых могильниках, или отдельные погребения.

Установлено, что высокий береговой выступ стал использоваться как могильник с эпохи неолита. Ряд захоронений (26) этого времени (рис. 4, *литера Б*), расположенный перпендикулярно речной долине, выявлен в 200 м к востоку от ядра.

Рис. 4. Могильник Мамай-Гора (нанесены исследованные грунтовые могильники и рельефные курганы различных эпох)

Из 26 исследованных комплексов инвентарем сопровождались 23 погребения. Материал представлен кремнем (восемь погребений — 11 единиц), кольцевидными бусами (3117), подвесками из зубов оленя (589), фрагментом керамики (1). В одном погребении встречены створки раковин *Uplio*, они же выявлены и в заполнении отдельных погребений, а в погребении № 28 отмечены древесные угольки. Кольцевидные бусы изготовлены из раковины, по величине и форме выделяется несколько их разновидностей. Лишь в погребении № 36 выявлены бусы из камня (пять экз.) и кости (три). Охра отмечена в тринадцати захоронениях. Она применялась перед укладкой погребенного в яму (ее посыпалось дно — семь случаев), в двух из них и в заполнении ею покрыты отдельные кости погребенного — четыре.

Между погребениями выявлены два пункта скопления охры и два пункта, в которых найдены 24 подвески, 31 бусина из раковин, 22 из кости, одна из камня, два кремня и фрагмент черепа.

Кремневый инвентарь представлен крупными и средними пластинами или их обломками, отщепами.

Серия радиоуглеродных дат из погребений могильника (по костям) дает основание датировать комплексы VI тыс. до н. э. и относить к памятникам Азово-Днепровской культуры (Тольев, 2005).

Первые курганы (№№ 162, 163, 185) высотой до 1 м, исследованные в центральной части памятника, появились в эпоху неолита, они же использовались для захоронений и в последующие времена. Всего обнаружено четыре погребения этого времени и четырнадцать — ямной культуры. Носители последней также возвели несколько насыпей.

Костяки лежали скорченно на спине или на боку, сопровождающие вещи — керамика, изделия из бронзы, кости, камня, кремня.

Более интенсивное функционирование могильника отмечается в эпоху средней бронзы. Катакомбные захоронения отмечены как в названных насыпях (№№ 161, 162, 163, 185), так и расположенном к югу кургане № 4. К северу от ядра выявлена концентрация катакомбных погребений — грунтовый могильник (*Андрух, Тоцев, 2009*), или разрушенный оползнями курган. Основное количество комплексов относится к поздней ингульской культуре. Известны как индивидуальные, так и парные захоронения. В наборе инвентаря разнообразная керамика, в том числе орнаментированный сосуд подпрямоугольной формы, поделки из кремня и камня. Среди последних отметим шлифованный орнаментированный топор (*Тоцев, 2009*). Один комплекс характеризует захоронение мастера-стрелочника.

Впускные погребения бабинской (многоваликовой керамики) культуры единичны: курган № 161, расположенный к северу от ядра, курган № 26 — к северо-востоку и др. (всего девять).

Костяки лежали скорченно на боку, в наборе инвентаря преобладают костяные пряжки.

Раскопан и вновь воссоздан крайний с востока в центральной группе курган № I. Основное погребение разрушено, несколько досыпок связаны с захоронениями срубной культуры. Захоронения этой культуры выявлены и в названных выше насыпях, всего 24 комплекса.

Костяки лежали в овальных или прямоугольных ямах скорченно на боку. В одном случае зафиксирована кремация. Погребения сопровождали, как правило, банковидные сосуды (*Тоцев, 2012*).

Грунтовый могильник белозерского времени выявлен к северо-западу от ядра (пять захоронений).

Из пяти погребений три потревожено в древности. В двух костяки лежали на левом боку, головой к югу. Инвентарь отмечен в четырех захоронениях. Он представлен подвесками из клешни краба (в четырех), ракушкой с отверстием (в одном), керамикой (один сосуд и обломки, тризна), бусами (в двух), подвесками-топориками из смолоподобного вещества (в одном), бронзовыми подвесками (четыре в двух погребениях). Материал типичный для погребений этого времени (*Тоцев, 2007*).

Гипотетически, по данным сопредельных памятников, эпохой бронзы датируем неисследованные длинные курганы (три) и большой округлый в центральной части могильника.

Рубеж эпохи бронзы — раннего железного века на данном памятнике фиксируется двумя захоронениями новочеркасской культуры. Одно выявлено в кургане № 161, в центральной части памятника (рис. 4), второе (объект № 221) рассматривается как бескурганное, расположено в 500 м к северо-западу-западу, на склоне оврага (*Тоцев, 2011*).

Как место для массовых захоронений возвышенность стала использоваться в скифское время. Древнейшее захоронение (конец VII—VI вв. н. э.) найдено к западу от ядра в кургане № 212. Остальные комплексы датируются в целом концом V—IV вв. до н. э. Наиболее сохранившиеся насыпи имели высоту до 1,5 м.

Собственно к скифской эпохе относятся 371 погребение в 184 курганах (несколько захоронений впущены в три кургана эпохи бронзы).

Скифские насыпи располагались вокруг курганного ядра. Основная концентрация комплексов зафиксирована к югу и востоку от него, иногда расстояние между рвами отдельных курганов достигало 0,2–0,3 м. Здесь же прослежены случаи перекрытия насыпей друг другом, что свидетельствует как о максимальном использовании площади памятника, так и о незначительных первоначальных размерах насыпей и их быстрой нивелировке.

В северном и северо-западном секторах могильника количество комплексов незначительно, но именно здесь выявлены культовые ямы, связанные с погребально-поминальной обрядностью. К западу от курганного ядра исследован один наиболее ранний комплекс, с которого, видимо, и началось зарождение скифского могильника.

Подавляющее большинство насыпей сnivelировано. Диаметр курганов варьировал в пределах 5–12 м и только в пяти случаях превышал 20–30 м. Рвы зафиксированы для 45 комплексов. Больше их число предполагается по круговому расположению развалов амфор и др. В одном случае насыпь была укреплена каменной крепидой. Вблизи насыпи кургана № 4 обнаружено изваяние первой половины V в. до н. э.

Погребальный обряд подавляющего большинства комплексов типичен для скифских памятников конца V–IV вв. до н. э. Захоронения совершены преимущественно в катакомбах различных типов (Ольховский, 1991. С. 215, табл. II); преобладают катакомбы I типа (около 60%), катакомбы III и V типов и простые грунтовые ямы количественно практически равны (около 30% в совокупности). Другие типы катакомб редки.

Размеры погребальных сооружений всех типов незначительны. Параметры камер варьировали в основном в пределах $1,8 \times 0,8$ – $2,7 \times 1,4$ м, при глубине 1,2–2,5 м. Только около десятка комплексов превышали эти величины.

Под насыпью сооружались, как правило, однотипные погребальные конструкции, но зафиксирована и взаимовстречаемость типов I и V, I и III, I и VIII, III и V и т. д. Прослежены случаи прямой стратиграфии — перекрытия или перерезания погребальных ям более поздними, что дает новые данные для исследования эволюции погребальных конструкций. Наиболее ранними выступают грунтовые ямы, далее катакомбы I типа, которые долгое время сосуществуют с катакомбами II, III и V типов. Позднейшими в катакомбах III типа выступают захоронения с южной ориентацией погребенных, наложившихся на аналогичные конструкции с северной ориентацией костяков.

Большая часть погребений не ограблена, или нарушена в ходе ограбления частично, что дает данные для реконструкции положения умершего и состава инвентаря более чем в 70% комплексов.

Погребенные уложены вытянуто на спине. В катакомбах I типа преобладает ориентация погребенных головой на запад. В катакомбах III и V типов доминирует ориентация север–юг. Отмечен один случай трупосожжения. Выделяется незначительная группа детских захоронений в позе «лягушки».

На могильнике преобладают одиночные погребения, реже отмечены парные и коллективные, немногочисленны случаи дозахоронений (соответственно 7, 3 и 1,5%). В ряде случаев можно проследить временной промежуток, прошедший между первичным захоронением и дозахоронением: кости раннего погребенного нетронуты, но частично перекрыты, незначительно смещены, сложены в анатомическом порядке, разбросаны.

Реконструкция погребально-поминальной и ритуальной практики дополняется также находками панцирей черепах, костяков собак и лошадей.

Особо следует отметить комплексы ритуальных (жертвенных?) ям, компактно располагающихся на северной периферии могильника, в которых найдены фрагменты лепной керамики и амфорной тары, кости животных, панцири черепах. Здесь же прослежены участки рвов, не связанных с конкретными комплексами, в заполнении которых найдены фрагменты керамики, камни, кости животных и разрозненные человеческие кости. Фрагменты или целые человеческие кости также сопровождают некоторые захоронения данного участка могильника (Андрух, 2000б).

Практически все погребения сопровождалось инвентарем, в составе которого представлены украшения, предметы вооружения, посуда, орудия труда, предметы туалета, конская узда и др.

Наиболее многочисленной категорией находок являются украшения, встреченные как в женских и детских, так и в мужских захоронениях. Преобладают ожерелья из стеклопастовых бус различной формы и бисера (более 150 погребений). В состав ожерелий входили в немногих случаях подвески из камня, раковин, клешней краба, бронзовые колечки. Обычно ожерелье состояло из 10–40 бусин, в ряде случаев их количество превышало сотню. В одном из захоронений найдено два ожерелья, второе было помещено в бронзовую шкатулочку.

Серьги различных типов из бронзы, реже серебра, в единичных случаях из золота найдены в 71 погребении. Они характерны для всех половозрастных групп населения, оставившего могильник, преимущественно встречаются в женских захоронениях.

Браслеты бронзовые, железные и из бус отмечены в 67 погребениях. В большинстве случаев находились на запястье правой руки. При сочетании металлических браслетов с браслетами из бус, первые, как правило, размещались на запястье правой руки, вторые — на запястье левой. В нескольких случаях прослежено сочетание на запястьях одной или обеих рук браслетов из бус и металлических.

Кольца, перстни, нашивные бляшки, пронизи и другие изделия из металла редки и встречены немногим более чем в 1% захоронений.

Особо выделим находки трех гривен. Две изготовлены из железного прута, причем одна украшена бронзовыми колечками, с продетыми в них подвесками-бусами и зубом животного. Уникально третье изделие, условно названное гривной. Представляет собой свернутый в 1,5 оборота серебряный прут с припаянным к нему серебряным кольцом, украшенным в свою очередь золотой подвеской и стеклянной бусиной.

Украшения из погребений могильника значительно пополняют классификационные схемы и своды, и в сопоставлении с памятниками сопредельных и периферийных регионов Скифии дают возможность для выявления общих черт и локальных особенностей в использовании определенных типов этой категории инвентаря. Благодаря антропологическим определениям имеются данные для реконструкции убранства всех половозрастных групп (*Андрух, 1999б*).

В одиннадцати женских захоронениях найдены зеркала. Уникально полихромное изображение льва, украшавшее футляр из растительной ткани.

Вооружение отмечено в 134 комплексах (около 38%). Оно представлено оружием дальнего, среднего и ближнего боя (стрелы, копья, мечи, топоры, пращевые камни), фрагментами защитного доспеха. Преобладают бронзовые наконечники стрел V–IV вв. до н. э. — они встречены более чем в ста погребениях. Количество их варьирует от 1 до 90. В одном комплексе зафиксированы три колчаных набора.

Наконечники копий и фрагменты зафиксированы в семнадцати погребениях. Преобладают наконечники остролистной формы без ребра IV в. до н. э.

Мечи, кинжалы и их фрагменты найдены в семи захоронениях.

Единичны находки боевого топора, железных панцирных пластинок, бронзовых бляшек от наборного пояса.

Выделяются мужские и женские захоронения, а также захоронения детей с оружием, что дает дополнительные материалы как для реконструкции системы вооружения рядовых скифов, так и для понимания места половозрастных групп в военном деле. Исходя из половозрастной статистики и учитывая редкую потревоженность захоронений, можно полагать, что в военных действиях принимало участие более 37% населения, оставившего памятник (65% мужчин, 19% женщин). Наличие оружия в 10% детских (подростковых) захоронений (наконечники стрел, меч, копье) свидетельствует или о раннем привлечении детей к войне или об их сравнительно ранних сроках обучения обращению с оружием (*Андрух, 2004*).

Сравнительный анализ статистических данных находок оружия в погребальных памятниках Скифии (*Буянтян, 1985. С. 46–47; Ольховский, 1991. С. 102, 109, 167–168*) и могильника Мамай-Гора показывает их значительные различия с тенденцией к резкому уменьшению на рассматриваемом памятнике абсолютно всех категорий вооружения.

Конская узда зафиксирована в пяти погребениях. Реконструируемые экземпляры представлены двухчленными удилами и S-овидными псалиями.

Лепная посуда зафиксирована всего в 14 погребениях. Также целые экземпляры, реконструируемые формы и мелкие фрагменты сосудов обнаружены во рвах и насыпях курганов, культовых ямах. Все сосуды (24 экземпляра) разделяются на пять категорий: горшки (11 экз.), корчаги (6 экз.), гутус (1 экз.), чаши (6 экз.), одноручный и двуручный кувшины (2 экз.). Особого внимания заслуживают корчага с ручками упорами фракийского или лесостепного типа, датируемая рубежом VII – началом VI в. до н. э., гутус и кувшины, формы которых, вероятно, заимствованы из греческой среды (*Андрух, 2009*).

Представительна серия деревянных сосудов, среди которых подносы для мяса (84 погребения) и чаши (девять погребений). Чаши овальной или округлой формы из дерева и бересты встречены, в основном, в женских захоронениях. В ряде случаев прослежено крепление бронзовыми скобочками, накладки из серебряной фольги, пурпурная окраска. В них помещались орудия труда (шпилья, пряслица) или лопатка крупного рогатого скота, кусочки серы. Последние предположительно можно трактовать как культовые (*Андрух, 1999а*).

Выделяется немногочисленная группа привозной керамики: серо-, реже красноглиняные кувшины, канфары, килик, лекиф, амфориск (?) и др. Примечательна находка чернолакового блюда, на дне которого процарапаны буквы «TRG». Более многочисленна амфорная тара. Выделены амфоры Гераклеи Понтийской, Фасоса, Менды, Хиоса, Синопы, Эритрии (?), Херсонеса, типа Солоха I и II. Амфоры конца V – первой половины IV в. до н. э. происходят из курганов, с катакомбами I типа, реже III или VIII типа. Амфоры второй половины IV в. до н. э. отмечены в курганах с катакомбами V, VIII и IX типов, что свидетельствует о синхронности в существовании определенных типов погребальных конструкций.

Металлическая посуда представлена бронзовым котлом V–IV вв. до н. э. Отметим также находку бронзовой рельефной бляхи с изображением человеческого лица, ранее украшавшей ручку ситулы.

Орудия труда представлены ножами (155 погребений), пряслицами (84), шильями (46). Оселки, терочники, иглы немногочисленны. Необычной для погребального памятника является находка в одном из захоронений серпа.

Уникальна находка керамической пластинки, прикрывавшей трепанационное отверстие. В немногих погребениях встречены реалгар, смола, куски мела.

Более 90% всех погребений сопровождалась напутственной пищей. Преобладали кости крупного рогатого скота, меньшим числом представлены кости овец, третье место среди остеологического материала занимали лошади (*Андрух, Секерська, 1999. С. 112–118*). На основании значительной серии остеологического материала возможны выводы о полуседлом характере хозяйства с преимущественным разведением крупного рогатого скота, его эволюции в пределах одного коллектива на протяжении более столетия и сопоставление с хозяйственно-экономическими структурами других регионов.

По антропологическим определениям половозрастной состав населения, оставившего могильник, представлен следующим образом: дети — 27%, 1,2% особи юношеского возраста, пол которых не удалось определить, мужчины — 32,2%, женщины — 39,6% (*Литвинова, 2002. С. 39–45; 2004. С. 48–51*). Окончательная обработка материалов представит неоценимые данные о демографической ситуации в регионе, об антропологическом типе населения, его сходстве и отличиях с населением других зон Причерноморской Скифии и т. д.

Исследования памятника не завершены, поэтому выводы о хронологических рамках скифского могильника Мамай-Гора носят предварительный характер. Начало его зарождения относится к концу VII – началу VI в. до н. э. и связано с сооружением к западу от «ядра» кургана со рвом, прожогами во рву и в насыпи, в разрушенном погребении которого найдены обломки корчаги раннего типа. Следующий этап развития могильника увязывается с сооружением к югу и востоку от центра двух курганов, которые на основании фрагментов хиосских пухлогорлых амфор датируются началом V в. до н. э. Наиболее активное функционирование могильника приходится на конец V–IV в. до н. э. На это указывают амфорные клейма, чернолаковая и гончарная посуда, а также весь вещевой комплекс памятника в целом. Заключительный этап относится, вероятно, к первой трети III в. до н. э., о чем свидетельствует находка ручки херсонесской амфоры с клеймом астинома Батилла.

Пик существования могильника соответствует периоду расцвета степной Скифии, времени, когда в непосредственной близости от Мамай-Горы и в Нижнем Поднепровье в целом возводятся многочисленные крупные насыпи и курганные поля, когда переживает расцвет Каменское городище (*Андрух, Тощев, 2012*).

В совокупности параметры погребальных конструкций, состав и количество инвентаря характерны для рядового населения Скифии. Статистический и корреляционный анализ материалов могильника даст возможность вычленения различных социально-имущественных групп в едином «родоплеменном» или территориальном коллективе. В этом направлении уже сделаны определенные шаги (*Андрух, Тощев, 2003*). Во многих захоронениях, по разработкам Е. Е. Филалко, погребены амазонки (*Филалко, 2010*).

Захоронений лиц более высокого социального статуса на памятнике пока не обнаружено. Тем не менее, есть все основания предполагать открытие в будущем одного или даже нескольких захоронений высшей скифской аристократии, впущенных в курганы эпохи бронзы, вокруг которых и сформировался могильник рядового населения.

Таким образом, по площади и количеству захоронений могильник на сегодняшний день не имеет себе равных в Причерноморье и является одним из крупнейших в Евразийском степном поясе, наиболее репрезентативным и перспективным для детального и полновесного изучения скифской культуры.

Планируемый в дальнейшем детальный анализ памятников рядового скифского населения, в основе которого будут лежать материалы Мамай-Горы, позволит получить максимально полную реконструкцию социально-экономической, политической, материальной, духовной и иных сфер жизни скифского населения данного региона и сопредельных территорий.

Завершает эпоху раннего железа единственное сарматское погребение, впущенное в курган скифского времени.

Могильник стал увеличиваться спустя несколько сот лет в половецкий период. Два грунтовых могильника — I и II (рис. 4, А) располагались севернее курганного ядра, отдельные захоронения впущены в более ранние насыпи, или образуют самостоятельные комплексы в восточном и южном секторах памятника (25 погребений). Погребения сопровождалось оружием, украшениями, бытовыми изделиями. В двух засвидетельствованы бокки. Два грунтовых могильника с рядовой планировкой, по линии запад–восток, могут датироваться первой половиной – серединой XIV в. К более раннему периоду относятся курганные захоронения, в двух из которых отмечены деревянные решетчатые гробовища.

Отметим также, что в 700 м к востоку от могильника Мамай-Гора исследован грунтовый могильник Мамай-Сурка (рис. 4, Д) конца XIII – начала XV в., где исследовано 1162 захоронения (Ельников, 2001; 2006).

Новый всплеск активного использования местности как кладбища относится к XV–XVI вв. и связывается с ногайцами (рис. 4, С). На 2016 г. вскрыто 137 захоронений этого времени, образующих грунтовый могильник западнее курганного ядра (Тоцев, 2013). В расположении погребений не отмечается закономерности, вытянутые на спине костяки ориентированы на запад, иногда с отклонением. Уникальным для погребений данного населения являются находки монет крымского чекана, которые дают основание для датирования памятника и реконструкции возможных политических и экономических контактов населения, оставившего данный памятник с Крымским ханством.

Этим временем функционирование могильника завершается.

Таким образом, в могильнике Мамай-Гора как бы «сфокусировался» весь набор известных в степном Причерноморье археологических культур — от неолита до позднего средневековья. Имеющиеся на сегодня материалы в определенной мере отражают динамику расселения племен, время проживания в различные периоды в этом районе. Можно полагать о достаточно долгом обитании вблизи могильника населения в эпоху неолита, железном веке и средневековье.

Таблица I. Раскладка погребальных комплексов по периодам и культурам

Неолит	Энеолит	Эпоха бронзы	Белозерские	Новочеркасские	Скифы	Сарматы	Половецкие	Ногайские
26	4	ЯК – 14 КК – 33 БК (КМК) – 9 СК – 24	5	2	371	1	25	137

Изученные в 1988–2008 гг. комплексы изданы в полном объеме (Андрух, Тоцев, 1998; Андрух, 2000а; Андрух, Тоцев, 2004; Андрух, Тоцев, 2009). Разработки последних лет готовятся к публикации. Материалы всесторонне изучаются специалистами различных научных направлений (Косиков, 2001; 2004; Крупа, 2009; Петрунь, 1999; Смекалова, Чудин, 2009; Литвинова, 2004; Андрух, Секерська, 1999; Секерская, 2001).

По количеству и концентрации разновременных погребальных комплексов на достаточно локальном участке в Северном Причерноморье выделяются два крупнейших могильника — Мамай-Гора в

Нижнем Поднепровье — около 700 погребений и Каргал в Нижнем Подунавье (Одесская обл.) — более 500 разновременных погребений (информация автора раскопок И. В. Бруяко). Всесторонняя обработка материалов этих памятников позволяет рассматривать их как эталонные в хронологической шкале культур степного Причерноморья.

- Андрух С. П., 1999а.* Деревянная посуда из захоронений скифского могильника Мамай-Гора // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Тез. докл. юбилейной конф., посвящ. 60-летию кафедры исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. М., 1999.
- Андрух С. П., 1999б.* Металлические украшения в убранстве рядовых скифов (по материалам могильника Мамай-Гора) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: К столетию Б. Н. Гракова. Запорожье, 1999.
- Андрух С. П., 2000а.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2000. Кн. II.
- Андрух С. П., 2000б.* О некоторых особенностях погребально-поминальной практики на скифском могильнике Мамай-Гора // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2000. Вип. IX.
- Андрух С. П., 2004.* Оружие скифских захоронений могильника Мамай-Гора // ДСПК. Запоріжжя, 2004. Т. XI.
- Андрух С. П., 2009.* Лепная керамика скифского могильника Мамай-гора // Наукові праці історичного факультету ЗНУ. Запоріжжя, 2009. Вип. 25.
- Андрух С. П., Секерська О. П., 1999.* Нові археозоологічні матеріали зі скіфських поховань // Археологія. Київ, 1999. № 3.
- Андрух С. П., Тощев Г. Н., 1998.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 1988. Кн. 1.
- Андрух С. П., Тощев Г. Н., 2004.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2004. Кн. III.
- Андрух С. П., Тощев Г. Н., 2009.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2009. Кн. IV.
- Андрух С. П., Тощев Г. Н., 2012.* Могильник скифского времени Мамай-Гора // Wojciech Blajer (red.), Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae, Wydawnictwo Profil-Archeo / Uniwersytet Jagielloński Instytut Archeologii. Krakow, 2012.
- Бунятян Е. П., 1985.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н. э.). Киев, 1985.
- Ельников М. В., 2001.* Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье, 2001. Т. I.
- Ельников М. В., 2006.* Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993–1994 гг.). Запорожье, 2006. Т. II.
- Косицко В. А., 2001.* Спектроаналитические исследования бронзовых наконечников стрел из колчаных наборов некрополя раннего железного века Мамай-Гора // ССПК. Запоріжжя, 2001. Т. IX.
- Косицко В. А., 2004 — Косицков В. А.* Бронзовые украшения из некрополя скифского времени Мамай-Гора (К вопросу о сырьевой базе бронзолитейщиков степной зоны юга Восточной Европы) // С. И. Андрух, Г. Н. Тощев. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2004. Кн. III.
- Крупа Т. Н., 2009.* Текстиль из погребений могильника Мамай-Гора // С. И. Андрух, Г. Н. Тощев. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2009. Кн. IV.
- Литвинова А. В., 2002.* О населении Европейской Скифии (по антропологическим материалам могильника Мамай-Гора) // РА. 2002. № 4.
- Литвинова А. В., 2004.* Палеодемография населения скифской культуры (по материалам могильника Мамай-Гора) // Від Кіммерії до Сарматії. Київ, 2004.
- Ольховский В. С., 1991.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.
- Петрунь В. Ф., 1999.* Результаты петрографических анализов материалов Мамай-Горы // С. И. Андрух, Г. Н. Тощев. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 1999. Кн. I.
- Секерская Е. П., 2001.* Археозоологические материалы скифского могильника Мамай-Гора // С. И. Андрух. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2001. Кн. II.
- Смекалова Т. Н., Чудин А. В., 2009.* Магнитная разведка и некоторые натурные наблюдения на курганной группе Мамай Гора в Запорожской области // С. И. Андрух, Г. Н. Тощев. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2009. Кн. IV.
- Тощев А. Г., 2013.* Новые археологические сведения по истории степных кочевников на юге Украины // Древнее Причерноморье. Одесса, 2013. Вып. X.
- Тощев Г. Н., 1996.* О методике раскопок крупных могильников степной зоны // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век): Материалы Междунар. конф. Донецк, 1996. Ч. 2.
- Тощев Г. Н., 2007.* Белозерский могильник на Мамай-Горе // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2007. № 7.
- Тощев Г. Н., 2009.* Курган 185 эпохи бронзы на Мамай-Горе // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2009.
- Тощев Г. Н., 2011.* Памятники предскифского времени на Мамай-Горе // Древнее Причерноморье. Одесса, 2011. Вып. IX.
- Тощев Г. Н., 2012.* Памятники эпохи бронзы Мамай-Горы // Культурологічний вісник. Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянищини. Запоріжжя, 2012. № 31.
- Фиалко Е. Е., 2010.* Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора // Stratum plus. СПб.; Кипшинев; Одесса; Бухарест, 2010. № 3: Люди и вещи железного века.
- Andrub S., Toshev G., 2003.* Social Stratification of Scythian Graves from Burial Croud Mamay-Gora // The 5 th International Colloquium of Funerary Archaeology. The Grave as an Expression of the dead social Status (5th c. B. C. — 5 th c. A. D.) Braila-Tulcea, 2003.
- Toshev G. N., 2005.* Die neolithische Nekropole Mamaj-Gora im unteren Dneprgebiet // Godisnjak. Centar za balkanoloska ispitivanja. Sarajevo, 2005. Кн. XXXIV.